

А. Д. СУХОВ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Интерес к забытому на несколько десятилетий направлению русской мысли 20–30-х гг., евразийству, в последние годы несомненно возрастает. Изданы многие произведения его представителей, появились посвященные ему антологии, статьи о нем. Идеи евразийства становятся доступными не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Они используются и для поисков ответов на вопросы, возникшие в наши дни. При этом, однако, обнаруживается стремление поставить евразийство на службу определенным идеологическим интересам, выдвинуть какую-то содержательную часть его на первый или единственный план, а остальное его наследие замолчать, отодвинуть, убрать. В публицистике подобные приемы, возможно, и оправданы. Настоящая же статья ставит перед собой иную задачу: предоставить слово самим евразийцам, лишь несколько систематизируя выдвигавшиеся ими положения. Пусть евразийство говорит само за себя.

Но сначала немного о его становлении.

Вскоре после Октябрьской революции, в 1920 г., в Софии Российско-Болгарским книгоиздательством, созданным П. П. Сувчинским, была выпущена в свет небольшая книга, насчитывавшая 82 страницы и принадлежавшая перу Н. С. Трубецкого, русского эмигранта, тогда – начинающего, впоследствии – всемирно известного ученого и философа. Пафос ее являлся по преимуществу критическим. В очередной раз развенчивались идеалы, которые принял Запад и на которые с XVIII столетия было ориентировано русское общество.

«Назначение этой книги чисто отрицательное, – пояснял Трубецкой в одном из своих писем в 1921 г. – Никаких положительных, конкретных, руководящих принципов она давать не со-

бирается. Она должна только свергнуть известные идола...»¹. Читатель пока что пусть сам поищет выход, и этот выход должен быть указан в дальнейшем. Существенное в книге сам Трубецкой находил в том, что здесь отвергнут как эгоцентризм, так и эксцентризм, полагание центра «вне себя, в данном случае – на Западе»². Концовкой книги, написанной позже основного текста, где все же был бегло затронут позитивный аспект, сам Трубецкой, в конечном итоге, остался недоволен, и содержание этого раздела посчитал «туманным суррогатом».

Что же поставило эту книгу, несмотря на известный традиционализм критической части и недостаточную внятность позитивной, в эпицентр некоторых дальнейших событий? Прежде всего, созвучность ее содержания, пусть не во всем нового и не всегда четко выраженного, сложившейся обстановке. В 1914–1918 гг. западные ценности были основательно поколеблены, и на этот раз не теорией, как это случалось раньше, а мировой войной. Россия, став советской, пошла по иному пути, чем Запад. Книга Трубецкого стимулировала понимание новой эпохи.

Автор не считал, что это по силам одному исследователю. Он говорил о необходимости коллективных разработок. «Бросить определенную мысль, поднять известное знамя – может один, – писал он во введении к книге. – Но разрабатывать целую систему, основанную на этой мысли, прилагать эту мысль на практике – должны многие. К этой-то коллективной работе я и призываю всех тех, кто разделяет мои убеждения. Что такие люди есть – в этом я убедился благодаря нескольким случайным встречам. Им нужно только сплотиться для дружной совместной работы. И если моя брошюра послужит толчком или средством к этому объединению, я буду считать свою цель достигнутой»³.

Свое предназначение книга Трубецкого выполнила. Публикация эта позволила ему найти единомышленников. Оказалось, что идейные установки, содержащиеся здесь, разделяются и другими. Целая группа исследователей шла в одном направлении.

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 766.

2 Там же.

3 Там же. С. 56.

Между ними состоялись встречи и беседы. Были организованы обстоятельные обсуждения возникших проблем.

В 1921 г. опять в Софии и тем же издательством был опубликован сборник «Исход к Востоку», который подвел итог проделанной работы. В предисловии к нему говорилось о том, что русский народ и другие народы, населяющие Россию, не европейцы и не азиаты, они – евразийцы. Было положено начало евразийству – теории и общественному движению. Его основателями, помимо Трубецкого, стали П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский. Сам термин для обозначения того особого мира, к которому принадлежит Россия, «Евразия», был предложен Савицким; производными от него стали понятия – «евразийство», «евразийцы».

Евразийство пошло вширь, вовлекая в свои ряды новых сторонников. Социально-философские идеи евразийства разрабатывались не только профессиональными философами, но и представителями различных отраслей научного знания: историками и экономистами, лингвистами и филологами, этнографами и фольклористами, географами и искусствоведами. Евразийство конкретизировалось и прорабатывалось в деталях. В свою очередь, и само оно оказывало влияние на специальные исследования, давало возможность по-новому рассматривать имеющиеся там проблемы. В ряде случаев представители науки, руководствуясь евразийской методологией, становились «пионерами» и «провидцами»¹.

Евразийство, возникшее в Софии, распространилось затем по многим городам Европейского континента и даже за его пределами. Приверженцы его были в Берлине, Париже, Праге, Брюсселе, Белграде, Лондоне, Харбине... Группы евразийцев и отдельные их представители время от времени практиковали встречи. На некоторых семинарах, которые были ими организованы, присутствовали сотни участников. Согласовывать воззрения и координировать действия евразийцам помогала переписка, которая в период интенсивного развития движения была постоянной.

¹ Толстой Н. И. Н. С. Трубецкой и евразийство. Там же. С. 16–17.

Евразийцы располагали собственным издательством (Евразийское книгоиздательство), они публиковали сборники статей и монографии, печатались в принадлежавшей им газете «Евразия» (1928–1929 гг.) и близкой им по взглядам периодике. К настоящему времени представлена достаточно полная библиография евразийских изданий, состав их участников¹.

Евразийство отличалось подвижностью: наряду с притоком новых сторонников наблюдался отход от него некоторых прежних. Наиболее существенной потерей для него был уход Г. В. Флоровского, самым крупным приобретением – приход Л. П. Карсавина.

Границы евразийства не отличались четкой очерченностью. Помимо теоретиков и идеологов, в нем состояли и те, кто разделял уже выработанные воззрения; вместе с убежденными борцами за его дело – сочувствовавшие ему, сотрудничавшие в его изданиях, публиковавшие в них работы, имевшие иногда лишь косвенное к нему отношение. Существовала особая евразийская организация, претендовавшая даже на то, чтобы стать партией. И опять-таки не все приверженцы евразийства состояли в этой организации. Другие же, официально выйдя из нее, продолжали печататься в евразийских изданиях и не утрачивали связей с ее участниками.

Все же суть евразийства и его облик определялись сравнительно узким кругом лиц. Своим построением оно обязано многим, но без некоторых оно просто не могло быть тем, чем стало. К числу этих немногих следует, прежде всего, отнести Н. С. Трубецкого; философ и лингвист, он и предтеча евразийства, и организатор движения, и его ведущий теоретик, идеолог. Другая ключевая фигура евразийства – П. Н. Савицкий. Философ евразийства, он много сделал для него также, будучи экономистом и географом. Л. П. Карсавин, придя в евразийство (на его раннем этапе), имел уже имя в науке, являлся автором трудов по медиевистике и философии истории. Он сразу же приобрел в евразий-

¹ См.: Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция //Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 738–739; Ключников С. Библиография евразийства // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. М., 1997. С. 484–505.

стве большое влияние, которое в дальнейшем лишь возрастало.

Уже их участие давало евразийству не только философское обеспечение, но также и опору на фактологию из сфер экономики, истории, языкознания, географии.

В евразийстве практиковались не только скоординированные выступления, но также декларации, излагавшие концептуальные принципы и главные положения, которые публиковались анонимно, как документы движения. Суждения о евразийстве складывались как по авторским публикациям, так и по этим программным изложениям, представленным в виде статей или небольших книг.

У евразийцев были предшественники, как и они ориентировавшиеся на самобытность страны. Свое происхождение они вели от славянофилов, противостоявших в XIX в. западникам. Однако, по их мнению, славянофильство и западничество – это видоизменение тех «основных типов», которые существовали ранее. И противоборство между этими типами проявлялось не в одной лишь литературной форме. «Не одни только литературные мнения, – считал Г. В. Вернадский, – а также деяния, чувства и подвиги прошлого должны быть нами по-новому доняты и оценены»¹. Восточники и западники появляются в глубине веков. Это исконные типы в истории России. Еще в XIII столетии Даниил Галицкий и Александр Невский олицетворяли собой тип западника и тип восточника. «Наследием блестящих, но непродуманных подвигов одного было латинское рабство Руси юго-западной. Наследием подвигов другого явилось великое государство Российское»².

Среди своих предшественников XIX столетия, помимо славянофилов, евразийцы называли и других – Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, Н. Ф. Федорова... Евразийство следовало в русле революционной демократии, и родство его с революционным народничеством несомненно, хотя евразийцы отвергали отождествление с ним, которое ему временами приписывалось, рассматривая это в лучшем случае как недоразумение.

1 Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 249.

2 Там же.

Особо надо сказать о тех параллелях, которые просматриваются между евразийством и охранительным консерватизмом. С консерватизмом, который после крушения императорского режима, естественно, перестал быть охранительным, евразийство находилось в постоянном конфликте. Консерваторы обвиняли евразийцев в сочувствии большевизму, евразийцы консерваторов – в намерении повернуть историю вспять. Евразийцы, однако, были восприимчивы к тем идеям самобытности, которые выдвигались и разрабатывались классиками охранительного консерватизма (Н. Я. Данилевским, К. Н. Леонтьевым). Сходство же в главном между двумя направлениями состояло в том, что принимались, как разумные, существовавшие реалии, в каждом конкретном случае принципиально разные, но отличные от западных.

Славянофильство и его постоянный идейный конкурент, западничество, пореформенный либерализм, как охранительный, так и неохранительный, революционная демократия 40–60-х гг. и народничество – все они стремились к созданию таких общественных состояний, которых в России еще не было и которые существовали лишь идеально, в их представлениях. Охранительные консерваторы отстаивали ту действительность, которая была свойственна не воображению, а повседневности, хотя они и не считали ее безупречной (речь идет, разумеется, не о беспринципном конформизме). Подобно им, почву под ногами ощущали и евразийцы, пусть она и не внушала им полного доверия. Этой почвой стала для них действительность советская.

Подлинным своим антиподом евразийцы считали широко трактуемое западничество с его ориентациями на чуждые образцы, «слепое европоклонство». Россия дважды испытала иноземное иго, продолжавшееся каждый раз более двух веков: сначала монгольское, а затем европейское, или романо-германское, причем второе иго – по его воздействию на судьбы страны и ее культуры – оказалось много хуже первого. «Теперь Россия вышла из него, но уже в новом виде – в виде СССР»¹.

Что представляет собой современный Запад и что ожидать от

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 301.

него России? По этим вопросам евразийцы полемизировали с его приверженцами, в числе которых оказались видные деятели либерализма П. Н. Милюков, П. Б. Струве, А. А. Кизеветтер... Евразийцы не сомневались в том, что русская интеллигенция «в своей массе продолжает раболепно преклоняться перед европейской цивилизацией», что она, как и прежде, мечтает о том, «чтобы Россия в культурном отношении во всем была подобна настоящим романо-германским странам»¹.

Евразийцы обращали внимание своих читателей и критиков на то, что «лицемерное исповедание» благородных принципов прикрывает на Западе «эксплуататорский капитализм», что демократический строй, которым принято гордиться, проявляет все признаки «обветшания и разложения». Кризис демократии и парламентаризма несомненен, «ветераны либерализма» просто закрывают на это глаза. Prestиж демократического строя падает, как упал некогда престиж монархии. Если этот строй и не умер еще, то, по крайней мере, «близок к смерти». Он сроднился с плутократией; свобода науки, искусства, производства и пр. лишь кажущаяся, призрачная.

Как можно было бы возродить утраченные Россией ценности, ориентированные на Запад, вернуть ее на тот путь, которым она следовала до 1917 г., о чем мечтает нынешнее «западничество»? Только вмешательством извне. Но страна дорого заплатит за это вмешательство, в какой бы форме оно ни осуществлялось. Любая из западных держав имеет свой подлинный лик – «лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами. Этот зверь – настоящий «реальный политик»². Для Запада «Россия есть территория, на которой произрастает то-то и то-то, в которой имеются такие-то ископаемые... Для политики интересна главным образом территория, а туземное население – лишь в качестве рабочей силы»³. Те из стран Запада, которые будут оказывать России помощь в ее реставрации, «сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей ко-

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 161.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 297.

лони... России будет предоставлена тень, видимость самостоятельности, в ней будет посажено какое-нибудь безусловно покорное иностранцам правительство... Важно то, что оно будет фиктивным»¹. Восстановление прежней России «возможно только ценою утраты ее самостоятельности»².

Не будет, конечно, недостатка в кадрах, обслуживающих новое «иностранный иго». Благоприятные условия для этого создаст та часть интеллигенции, которая превозносит Запад, а собственную родину считает отсталой. Сама она «без зазрения совести пойдет на службу к иностранным поработителям и будет не за страх, а за совесть помогать делу порабощения и угнетения России»³. Не оскудеет и правительственный аппарат, «с виду – настоящая русская власть, а фактически – проводник иностранной колониальной политики. Кому может улыбнуться работа в таком «аппарате»? Мелким честолюбцам, стремящимся к атрибутам власти, хотя бы фиктивной? Или беспринципным авантюристам, мечтающим обеспечить личное благополучие хотя бы ценою собственного позора и гибели родины? Такие люди всегда были, есть и будут... Помешать им в этом невозможно. Но пусть у других откроются на них глаза, пусть знают все, что это – предатели!»⁴. В таком правительстве могут появиться и честные люди, стремящиеся хоть как-то послужить России. Но деятельность их, несмотря на благие намерения, в такой обстановке «заранее обречена на полную неудачу»⁵.

С точки зрения «западничества», 1917 г. прервал естественный ход исторического развития. Евразийцы не соглашались с этим. Они рассматривали революцию как исторический процесс, глубокий и существенный. В обществе дает о себе знать историческая необходимость, она существует объективно; русская революция была необходима исторически. Евразийцы ощущали ее как эпоху «зореваю», «поворотную и героическую»⁶.

Получал поддержку у них и социальный идеал, выдвинутый

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 297.

2 Там же.

3 Там же. С. 302.

4 Там же. С. 303–304.

5 Там же. С. 304.

6 Савицкий П. Н. Подданство идеи//Мир России — Евразия. Антология. М, 1995. С. 70.

в порядок дня в ходе революционных свершений. Признание этого идеала – осуществление социализма – объединило республики, составившие СССР. И даже если со временем этот идеал претерпит какие-то изменения по сравнению с тем, как он трактуется сейчас, «все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей волеунаправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР»¹.

Евразийцы выступали за плановое начало в экономике и даже доказывали здесь свой приоритет: еще за 2–3 года до перехода страны к первой пятилетке они делали свои предложения на этот счет и элементы своей программы обнаруживали в официально принятом проекте.

Плановость хозяйства, по их представлению, должна органически дополняться государственным регулированием культуры и цивилизации. Государство и в будущем, даже если бы у его руля оказались они сами, «не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов – прежде всего частного капитала – в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим»².

Для евразийцев был приемлем и государственный строй, каким он сложился после революции. По их мнению, форма народного представительства успешно решена в системе советов, опирающейся на территориальные единицы и профессиональные объединения, а также на национальные части государства. «Советы с их одинаковой архитектурой являются мощным орудием объединения национальных и территориальных частей, входящих в Советский Союз. Было бы прямым безумием отказаться от этого объединяющего начала... Каждое правительство поставит себя перед бесконечным количеством новых и неожиданных затруднений, коль скоро попытается отменить систему советов...»³.

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 419.

2 Там же. С. 438.

3 Алексеев Н. Н. Советский федерализм // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 174.

Евразийцы одобряли национальную политику, проводимую советским правительством. Они заявляли, что в национальном вопросе «стоят на основе осуществления братства народов в пределах России-Евразии», и средством для осуществления такого братства признавали «федеративный строй СССР»¹.

По мнению евразийцев, национальная политика эта базируется на географических, экономических и исторических реалиях. Самой природой и историей народы Евразии призваны к совместной жизни. Их сосуществование является органичным; это не случайный конгломерат, а подлинное единство.

Россия-Евразия в географическом смысле — особый материк, континент, часть света. Данное географическое образование представляет из себя также самодовлеющую хозяйственную область. Пространства Евразии как бы изначально предназначены к тому, чтобы составить одно государство.

Впервые территория Евразии была объединена усилиями Чингисхана и его ближайших преемников, создавших здесь монгольскую империю. Частью ее стала и русская земля. Это объединение рассматривалось в евразийстве как успешное решение исторической задачи, поставленной самой природой, и как дело созидательное. В дальнейшем, после распада монгольской державы, освоение просторов Евразии стало делом Русского государства, так что «процесс русской истории может быть определен как процесс создания России-Евразии»². Россия стала наследницей государства Чингисхана.

Для того чтобы подчеркнуть, что Евразия, в рамках которой сложилась Россия, а затем СССР, является единым целым, евразийцы пользовались новыми понятиями и терминами. Категория «месторазвитие» призвана была свести воедино начала географии и истории. Они считали даже, что месторазвитием, как явлением, должна заняться специальная наука — теософия, синтетически соединяющая географию и историю.

Личности, действующие в истории, ее субъекты — это не

¹ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 223.

² Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории // Вопросы истории, 1993. № 11–12. С. 126.

только отдельные индивидуумы. Могут быть и коллективные, соборные, симфонические личности. Подобной симфонической личностью является Евразия. Европа – также симфоническая личность, но особая, другая.

Что же делается в СССР для создания подлинного общеевразийского братства, для которого всегда существовали объективные предпосылки? В этом плане евразийцами отмечался «отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России и усвоенного правительством антинациональной монархии... Признание национальных прав всех народов, входящих в состав России-Евразии, предоставление каждому из них самой широкой автономии при сохранении единства государственного целого вполне соответствует правильному взгляду на историческую сущность русской государственности...»¹.

В результате произошедшей революции в стране возрождается множество национальных культур, увеличивается число литературных языков. Но русский язык не утрачивает при этом своего культурного и государственного значения. Он становится, и без какого-либо насильственного навязывания, орудием культурного, политического и делового общения между народами.

Вносились и предложения, призванные корректировать действительность, улучшать ее. Одобряя плановый характер экономики и ее государственное регулирование, евразийцы находили, что недостаточно учитываются те начала экономической жизни, которые можно обозначить понятием частного хозяйства. Необходимо «сопрячь воедино» план, государственное и частное хозяйство. Мелкое производство, осуществляющееся за личный счет трудящихся, является не врагом крупного (государственного и обобществленного), а его сотрудником и восполнителем. Предстоит также теснее связать выдвинутые грандиозные национальные и социальные задачи с личной заинтересованностью осуществляющих их людей.

Евразийцы высказывались за «сохранение основ создавшегося в процессе революции строя, при внесении в него определен-

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 253–254.

ных изменений»¹. Речь шла при этом об эволюции, о частичных улучшениях и поправках, об освобождении от «пережитков старого», в частности, не изжитых еще элементов «западничества», но признавалось, что все это – сфера органической работы.

Подвергавшиеся постоянным нападкам справа, обвиняемые в «сменовеховстве» и соглашательстве, сдаче позиций, поддержке советского режима, евразийцы стремились всячески подчеркивать свою независимость от каких бы то ни было влияний, самостоятельность своих оценок прошлого и настоящего. Расхождения с большевизмом, который не был им, конечно, идентичен по своей природе, нередко еще нарочито гипертрофировались. В переписке же между собой ими самокритично признавались в связи с этим проявления тенденциозности и демагогии.

Имелся, однако, существенный принцип, который разделял евразийство и большевизм. И консерваторы, и либеральные конституционалисты считали возникшее в 1921 г. новое направление в эмиграции «близким к большевизму, за исключением вопроса о религии»². Сами евразийцы придерживались, в общем, того же мнения. Уже в коллективном предисловии к их первому сборнику «Исход к Востоку» говорилось: «Смиряться перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаем лишь сознательно – злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восставшую на Бога и Церковь»³.

Приветствуя революционные перемены и выражая им свою поддержку, пропагандируя идеи народоправства и социальной справедливости, евразийцы подчеркивали также свою принадлежность к религии. Религиозность их, по большей части, была не только вполне искренней, но, с точки зрения религиозных рационализма и умеренности, даже экстравагантной.

В век религиозного модернизаторства, когда широкое распространение по отношению к традиционным понятиям получи-

1 Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 221.

2 Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 31.

3 Предчувствия и свершения (Предисловие из сборника «Исход к Востоку») // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 25–26.

ли аллегорические и метафорические подходы, всевозможные иносказания и толкования, евразийцы не пренебрегали известным фундаментализмом. Ими отстаивалось, например, учение о сатане как о реальной личности; при рассмотрении вопроса о богах других религий утверждалось, что «большинство их является бесами»¹. Допускалась возможность религиозных чудес. Считалось реальностью появление «знамений славы Божьей (церковные золочения и обновления)»².

Евразийцы были убеждены, что никто не является менее реставраторами, чем они, но связи религии с обществом, государственностью, бытом они призывали восстановить. Безбожие, антирелигиозность, по их мнению, – европейское изобретение; империя же Чингисхана и Московская Русь отличались приверженностью к религии. Религиозность следует обрести и новой России, ее культуре.

Религией, которая властвовала над умами и сердцами евразийцев, являлось православие. Оно, как считали евразийцы, представляет собой самый чистый вид подлинного христианства. Даже остальные христианские конфессии не идут с ним ни в какое сравнение. Католицизм не уберется от сатанинского соблазна, который и одолел его. Протестантизм поражен соблазном гордости человеческого ума и бунтом против авторитета. В буддизме человек вместо бога обретает сатану. Индия, где распространен индуизм, является самой прочной цитаделью сатаны. Вообще от всех религий, кроме православной, «явно или скрыто веет дух сатаны»³.

Заявляя о своей православности, евразийцы оговаривали свое особое видение ее. Православие, каким оно было до революции, совсем не устраивало их. Они требовали «подлинного православия». Прежнее же – это синодально-овер-прокурорское православие. Говоря о возвращении к религии и укреплении религиозной стихии, Н. С. Трубецкой подчеркивал: «Это вовсе не значит, чтобы нужно было создать опять тот внешний союз меж-

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 270.

2 Савицкий П. Н. Подданство идеи//Мир России – Евразия. М., 1995. С. 70.

3 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 293.

ду государственной властью и официальной церковью...»¹. Этот союз оказал православие, лишил церковь способности развития и стремился «превратить ее в полицейское орудие государственной власти»².

Трубецкой считал, что борьба с Русской церковью — явление не новое. Петр I, учредив синод и пост обер-прокурора, нанес церкви «гораздо более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Екатерина II, закрывшая 80 % монастырей, реквизировавшая столь же значительную часть церковного имущества и сгноившая ц револьской крепости епископа Арсения Мациевича, стойко сопротивлявшегося ее антицерковной политике, предвосхитила поход советской власти против церкви»³.

Императорская власть и в дальнейшем, чтобы сделать церковь «совершенно безгласной», преследовала ее при малейшем проявлении независимости духа. Иерархи и священнослужители подвергались слежке и при самом незначительном отклонении от курса, предписанного правительством, смещались и отправлялись в ссылку. В закабаленной церкви был уничтожен всякий «живой дух» и усвоен дух «империализма и шовинизма». «Словом, делалось систематически все, чтобы не только оканить и обездушить церковь, но и сделать ее непопулярной. Это было самое злостное преследование церкви, тем более злостное, что с виду оно прикрывалось лицемерным высочайше утвержденным ханжеством»⁴.

О церкви, ставшей в императорской России одним из органов государственного аппарата, о постигшем ее «параличе», о застое, в котором оказалось «официальное» богословие, писал Г. В. Флоровский. Он находил даже, что положение церкви после революции предпочтительнее, чем до нее, что перед ней открываются перспективы, неведомые ей прежде: «...на наших глазах поместная русская церковь, не выступая ни на шаг из самим временем освященных форм и одеяний, стала действенной, горячей, властной и учительной, — снова, как древле, сделалась

1 Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 264.

2 Там же. С. 265.

3 Там же. С. 256.

4 Там же. С. 249.

церковью торжествующей – в силе Духа, с какою бы давно не являющеюся силой натиска ни бушевали вокруг нее богоборческие стихии...»¹.

Религиозный вопрос, хотя евразийцы и придавали ему немалую значимость, все же в общей системе их воззрений занимал второстепенное место. Попытка выдвинуть его на первый план и по сути дела теологизировать евразийство была предпринята Флоровским. Но сочувствия и поддержки у его коллег она не получила, и это стало, в конечном счете, одной из причин выхода из движения его самого.

Отношение евразийства к религии являлось внутренне противоречивым, и содержащиеся в нем коллизии были без большого труда выявлены его критиками, в их числе теми, кто сам прежде находился в его рядах. Одним из оппонентов его стал Флоровский. В 1928 г. он опубликовал в журнале «Современные записки» статью «Евразийский соблазн». Прежде представлявший в евразийстве «правый уклон», он теперь критиковал его извне и, конечно, справа.

Повторяя претензии к своим бывшим соратникам, ставшие уже обычными: что они «зачарованы» советской действительностью и людьми, творящими ее, что ими проявляется «торопливое примирение» с новой Россией, что их «загипнотизировал» большевизм, – Флоровский делал общий вывод, который также не был нов: «Они хотят и призывают равняться по большевистскому примеру и типу, только переменяв «конструктивный принцип» с безбожного на религиозный»². Но именно здесь-то, в трактовках ими «религиозного принципа», евразийцев и постигла, по мнению Флоровского, неудача.

Как сочетать их рассуждения об особом духовном статусе православия и признание правомерности религиозных начал у других народов Евразии, когда эти начала рассматриваются как составные части культурно-типového своеобразия? Ведь стремясь сохранить данное своеобразие, евразийцы опасаются что-либо в нем трогать. «В этом есть острый привкус религиозного

1 Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 118.

2 Флоровский Г. Евразийский соблазн // Русская идея. М., 1994. Т. I. С. 312–313.

релятивизма»¹.

Трактовки православия даются евразийством «в отвлеченно-метафизическом плане». При разборе же, толковании и учете конкретной действительности, ее жизненных сил и отношений для него «места нет».

Коротко говоря, существует «большая двусмысленность в евразийском отношении к Церкви»².

Собственно, на подобную критику евразийцам нечего было возразить. Они и сами ощущали несостыковки в своих воззрениях на религию. По мере сил они стремились их если и не преодолеть, то, по крайней мере, сгладить.

Высказывались соображения, что существующие конфессии можно считать вариациями общих религиозных начал, звеньями единого процесса религиозного развития.

Говорилось и о том, что предметом религии являются ценностные ориентации, и не имеет особого значения, как называет сама себя религия – христианством, социализмом, наукой, пусть даже атеизмом. «Дело не в названии. Она может при этом называть себя не религиею... не переставая от того быть религией»³. Религии давалось предельно широкое толкование, выходявшее за пределы, предустановленные ей собственной спецификой.

Грани православия также, по сути, размывались. «Для нас, – писал Л. П. Карсавин, – все стало проблемой Православия»⁴. Православные искания, хотя и не осознавшие таковыми себя, усматривались и в позитивизме, и в социализме, и в некоторых других, неправославных, образованиях религии...

Но все эти попытки не были способны сделать евразийское учение о религии целостным, они могли лишь искусственно соединить различные, плохо совместимые его фрагменты. Об отказе от изначально выдвинутых установок на православие, как божественную истину, и на иные вероисповедания, в том числе су-

1 Флоровский Г. Евразийский соблазн // Русская идея. М., 1994. Т. I. С. 325.

2 Там же. С. 335.

3 Карсавин Л. Оценка и задание // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. X. С. 112.

4 Карсавин Л. П. Социализм и Россия // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 296.

шествующие в Евразии, как сатанинские наваждения, прямо никогда не заявлялось.

Другим идейным аспектом евразийства являлось его отношение к марксизму. Оно надеялось подчинить его своему влиянию, намеревалось само стать на его место. Но этим притязаниям его не суждено было сбыться.

В ходе своей истории евразийство левело. В 1928 г. его оппоненты находили, что оно само кое в чем «повторяет марксизм»¹. Из всех западных мыслителей для евразийцев, по их собственным признаниям, «самым близким» становится К. Маркс. Если первоначально в деятельности В. И. Ленина они усматривали фанатизм, то позже – гениальность. Иные оценки, чем прежде, обретает теория марксизма: «Можно, конечно, не быть марксистом, но утверждать, что учение, нашедшее сотни тысяч последователей во всех концах мира, сплошная нелепость, все же рискованно»².

Несмотря на испытанные им влияния и совершившиеся в нем изменения, евразийство сумело сохранить основные концептуальные положения, собственное лицо. Оно пережило два значительных идейных кризиса, но в обоих случаях из них вышло.

В 1923–1925 гг. дало о себе знать «правое» евразийство, точнее – «правый уклон» в нем. Будущее рисовалось ему в виде «православного царства», опирающегося на «добрых хозяев»³. Этот уклон, когда он достаточно оформился, отчасти начал самопроизвольно выпадать из евразийства, отчасти был вытолкнут из него.

Второй кризис наступил в 1928–1929 гг., когда обнаружился «уклон в сторону коммунистических идей», причем «религиозный упор» евразийства сводился «на нет»⁴. Ускоренно эволюционировавшая к марксизму часть евразийцев пришла в столкновение с теми, кто, хотя и не чуждался его идей, по-прежнему сохранял верность традиционным принципам. Коллизия эта

1 Флоровский Г. Евразийский соблазн // Русская идея. М., 1994. Т. I. С. 322.

2 Кожевников А. Философия и В. К. П. // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 74.

3 Путь евразийства // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 299.

4 Савицкий П. Н. Илей и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 382–383.

была расценена тогда Н. С. Трубецким как «раскол». Дальнейшее показало, однако, что произошел не «раскол», а скорее «откол». Отколовшаяся от евразийства группа, лидерами которой являлись Д. П. Святополк-Мирский и С. Я. Эфрон, переживая процесс идейной трансформации, вскоре утратила все связи с евразийством и, отпав от него, растворилась в марксизме.

Евразийство же продолжило свое существование и развитие вплоть до 1939 г., когда начавшаяся вторая мировая война отодвинула прежние теоретические проблемы, а русская философия из-за фашистской угрозы пережила еще одно изгнание.

Движение и вызванная им полемика прекратились, и его отдельные представители продолжили свою деятельность вне его (П. Н. Савицкий, Л. П. Карсавин, П. П. Сувчинский, Г. В. Вернадский). Продолжили свою жизнь и идеи евразийства, ставшие частью русского философского наследия.